

Усё гэта сведчыць аб тым, што з самага пачатку вайны Беларусь стала шчытом, які прыкрыў краіну Саветаў. На Беларускай зямлі яе народ разам з прадстаўнікамі іншых нацыянальнасцей народаў СССР актыўна ўступіў у барацьбу з ворагам. Шкада, што зямля не можа гаварыць, а яна б расказала пра многае...

Бібліяграфічныя спасылкі:

1. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. / Рэд. кал. А.П. Вайтовіч і інш. Мінск, "Беларуская энцыклапедыя", 2000.
2. Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. Отв. ред. А.О. Чубарьян – М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
3. Всенародная борьба в Белорусии против немецко-фашистских захватчиков. Том 1. Минск, Беларусь 1983.
4. Гребень Е.А. Гражданское население Белорусии в условиях немецкой оккупации (1941 - 1944гг.). Минск: БГАТУ, 2016.
5. Гісторыя Беларусі. (1917 -1945). / П.І.Зялінскі і інш. Мінск, БДУ, 2012.
6. Котляров И. Защитников памяти и правды стало больше. // Беларусь сегодня. СБ, 2015, 7 апреля. С.10.
7. Накануне. Западный особый военный округ. (Конец 1939 г. – 1941 г.). Документы и материалы./ Сост. В.И. Адамушко и др. Минск: НАРБ., 2007.
8. Новікаў С.Я. Беларусь улетку 1941 г. Смаленск: "Універсум", 2015.

УДК 93

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ П.Д. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО НА ПОСТУ ВИЛЕНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА

М.Н. Крот^{1,2)}

*1) Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН)
(Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41)*

2) Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (ИИМО ЮФУ) (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42).

Национальный вопрос был одной из наиболее сложных проблем, с которыми столкнулась Российская империя в начале XX века. Деятельность князя П.Д. Святополк-Мирского на посту Виленского генерал-губернатора в период с 1902 по 1904 гг. представляла собой попытку выстраивания новой модели управления национальными окраинами, сохранение контроля над которыми в условиях активного формирования региональных идентичностей становится залогом сохранения целостности империи. В статье анализируется культурно-просветительский аспект его деятельности, включавший организацию работы научно-просветительских обществ, проведение региональных исследовательских экспедиций, усилия по открытию учебных учреждений, отмену ряда ограничений в области печати и книгоиздательства. Данные сюжеты рассматриваются в контексте трансформации национальной политики имперских властей, стоявших перед необходимостью диалога с местной общественностью и отказа от жесткой русификаторской политики.

Ключевые слова: Российская империя; П.Д. Святополк-Мирский; Виленское генерал-губернаторство; Северо-Западный край; национальные окраины; русификация.

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF PRINCE P.D. SVYATOPOLK-MIRSKY ON THE POST OF VILENSKY GOVERNOR-GENERAL

M.N. Krot^{1,2)}

*1) Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(Russian Federation, 344006, Rostov-on-Don, 41 Chekhov ave.)*

*2) Institute of History and International Relations of the Southern Federal University
(Russian Federation, 344006, Rostov-on-Don -Donu, B.Sadovaya str., 105/42)*

The national question was one of the most difficult problems faced by the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The activities of Prince P.D. Svyatopolk-Mirsky on the post of Governor-General of Vilna from 1902 to 1904. It was an attempt to build a new model of managing the national suburbs, the preservation of control over which in the conditions of the active formation

of regional identities becomes the key to maintaining the integrity of the empire. The report analyzes the cultural and educational aspect of its activities, including the organization of the work of scientific and educational societies, regional research expeditions, efforts to open educational institutions, and the abolition of a number of restrictions in the field of printing and book publishing. These plots are considered in the context of the transformation of the national policy of the imperial authorities, which faced the need for dialogue with the local community and the rejection of strict Russification policies.

Keywords: Russian Empire; P.D. Svyatopolk-Mirsky; Vilna Governor General; North-West Region; national borderlands; russification.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Личностный фактор в политическом управлении государством авторитарного типа, коим являлась Российская империя, или отдельными его частями, имел огромное значение. Именно личностные качества чиновника, его управленческие навыки, опыт предшествующей деятельности, характер, умение и желание находить общий язык с подчиненными и подданными зачастую в большей степени определяли содержание процесса управления и его эффективность, нежели должностные инструкции или циркуляры вышестоящих начальников. Особенно это характерно для крупных российских региональных чиновников, которые проводя общеимперскую политическую линию, сталкивались со множеством местных специфических особенностей. Наиболее сложной и ответственной была работа правительственных управленцев в инородческих окраинах империи, где для успешной деятельности было необходимо учитывать национальную специфику, разбираться в сложных, порой конфликтогенных этноконфессиональных проблемах, обладать способностью принимать гибкие компромиссные решения. Одной из таких «проблемных» окраин был Северо-Западный край Российской империи.

Северо-Западный край, в который входили белорусские и литовские земли, разделенные на шесть губерний: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую, представлял собой во многом условное и неофициальное понятие, неоднородное в административном отношении. К концу XIX в. первые три из названных губерний входили в состав Виленского генерал-губернаторства, в то время как остальные представляли собой самостоятельные административные единицы¹[1].

Наиболее «проблемным» фактором для центральной власти, сохранявшим свою актуальность на протяжении всего периода XIX - начала XX вв., было польское влияние, проявлявшееся в широком распространении католического вероисповедания, господстве крупного шляхетского землевладения, а также в превалировании польской культуры среди местной интеллигенции. Антипольский вектор политики имперского руководства на западных окраинах, возобладавший после подавления восстания 1863 – 1864 гг. и усилившийся в конце XIX в., определял содержание и характер деятельности местного регионального руководства, стоявшего перед необходимостью выстраивания оптимальной управленческой стратегии перед лицом многочисленных политических, экономических и социокультурных вызовов непрерывно усложнявшейся реальности.

Если проследить динамику кадровых перестановок среди высших управленцев имперских западных и северо-западных окраин, то можно заметить, что они представляли собой достаточно бессистемное чередование сторонников жесткой русификаторской политики и относительно либеральных руководителей, выступавших за смягчение правительственного курса, отказ от ряда дискриминационных мер, налаживание контакта с местными элитами [1, с. 264 - 265]. При этом следует указать на то, что различия между этими двумя группами состояли не столько в целях и общей стратегии проводимой ими политики, сколько в методах ее реализации. В последние десятилетия XIX – первые годы XX вв. и «ястребы», и

¹ К началу XX века условное понятие Северо-Западный край включало в себя преимущественно губернии, входящие в состав Виленского генерал-губернаторства: Виленскую, Ковенскую и Гродненскую. В данном значении это понятие используется и в настоящей статье.

«умеренные» представители русской администрации на западных окраинах проводили политику так называемой «оборонительной русификации», направленную в большей степени не на «обрусение» местного нерусского населения, а на защиту от конкурирующего воздействия мощной в материальном и культурном плане внешней силы, какой в данном регионе выступало польское влияние.

Именно эти обстоятельства определяли общую направленность политики российской администрации в Виленском генерал-губернаторстве, главой которого 15 сентября 1902 г. был назначен князь П.Д. Святополк-Мирский.

Карьерный путь Святополк-Мирского можно считать типичным для рубежа XIX – XX вв. Получив блестящее военное образование (он учился в Пажеском корпусе и Николаевской академии генерального штаба) и некоторое время прослужив на командных должностях в армии, выйдя в отставку, князь был назначен на должность Пензенского, затем Екатеринославского губернатора, где получил опыт управленческой деятельности и снискал себе славу «либерального» губернатора. Хорошо зарекомендовавшие себя на поприще региональной службы чиновники по обыкновению со временем переводились в центральный аппарат имперского управления. В 1900 г. Святополк-Мирский занял пост товарища министра внутренних дел и главы Отдельного жандармского корпуса. Однако жесткая репрессивная политика, проводившаяся министрами Сипягиным и Плеве, их отказ от сотрудничества с общественными силами, сторонником которого был князь, привели к его отставке и «возвращению» на некоторое время к региональному управлению.

Особенности деятельности Святополк-Мирского на посту руководителя такого «проблемного» края, каким было Виленское генерал-губернаторство, как и на других должностях, занимаемых им, во многом определялись теми чертами его характера, в оценке которых многие современники были практически единодушны.

Хорошо знавший князя С.Ю. Витте в своих мемуарах описывал его как «кристально чистого, безукоризненно честного человека высоких принципов и редкой души», которого любили и уважали везде, где ему доводилось служить [2, с. 288]. Чиновник министерства внутренних дел В.И. Гурко, давший в своих воспоминаниях тонкие психологические портреты многих современников, характеризуя Святополк-Мирского, отмечал: «Едва ли не отличительной его чертой было желание жить со всеми в мире и чувствовать себя окруженным благожелательной атмосферой. Нельзя сказать, что кн. Мирский искал при этом популярности. Власть же его мало привлекала, а зуд государственного творчества был совершенно не присущ...» [3, с.558-559]. Гродненский губернатор М.Н. Осоргин, работавший под руководством Святополк-Мирского в Северо-Западном крае, отмечал, что «у него преизбыточествовала порядочность совершенно рыцарская, соединенная с действительной сердечной добротой. Недаром его все любили и неизменно уважали» [4, с. 576]. К этому можно добавить и то обстоятельство, что на любом посту князь стремился учитывать и удовлетворять законные потребности общества, видя в сотрудничестве с его здоровыми силами залог успеха в достижении государственных целей. В приветственной речи, обращенной к представителям сословий Виленского генерал-губернаторства, Петр Дмитриевич особо указал на это: «Трудясь на благо населения, справедливо, строго-законно относясь ко всем проявлениям его жизни, внимательно и благожелательно прислушиваясь к истинным потребностям северо-западной Руси и твердо направляя разумную власть, мы дадим надежный залог к успешному разрешению русской государственной задачи» [5, с. 173].

Немаловажным фактором, способствовавшим благоприятным отношениям генерал-губернатора с местной элитой польского происхождения, было и то, что Петр Дмитриевич принадлежал к древнему польско-белорусскому княжескому роду [6, с. 214–216] и воспринимался шляхтой как «свой», что в условиях острого предубеждения по отношению к преимущественно присланной правящей русской элите имело большое значение. Хотя, безусловно, отношение населения края к его руководителю определялось отнюдь не его происхождением, а характером деятельности на своем посту.

Будучи хорошо образованным, интеллигентным человеком, Святополк-Мирский осознавал огромную интегрирующую роль социокультурных факторов, неоднократно указывая на то, что «культурные средства» имеют решающее значение в деле «объединения Северо-Западного края с остальной Империей» [7, л. 34 об.]. Приобщение инородческого населения северо-западной окраины к русскому культурному и цивилизационному полю, по его мнению, должно достигаться не путем грубых русифицирующих методов, имеющих обратный эффект, а путем комплексной, планомерной культурно-просветительской деятельности, находящейся в руках центральной власти и проводимой в нужном ей направлении в сотрудничестве с местными силами. Исходя из этого, «труды культурного свойства», наиболее важные аспекты которых рассматриваются в данной статье, занимали важное место в его деятельности на посту руководителя края.

Святополк-Мирского с полным основанием можно охарактеризовать как «просвещенного бюрократа». Важным элементом своей профессиональной деятельности он считал распространение просвещения в целях аккультурации местного населения. Можно сказать, что в данном вопросе государственные цели и задачи, реализацию которых генерал-губернатор считал своим долгом, тесно соединялись с его личностными интересами и устремлениями. Возглавляя Северо-западный край, князь придавал большое значение распространению образования, деятельности различного рода просветительских учреждений, способствовал региональным этнографическим исследованиям, развитию книгоиздательства и периодики. Святополк-Мирский считал, что посредством просвещения власть может гораздо более эффективно способствовать распространению «русских начал» на окраинах империи, нежели при помощи грубых запретительных мер. Примером этому может служить повышенное внимание, которое Виленский генерал-губернатор уделял деятельности в крае различных научных и просветительских обществ. Наиболее значимым из них было «Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III».

Созданное в 1895 году¹, это общество было своеобразным «консервативным ответом» на просветительские инициативы, исходившие от либеральной общественности [8, с. 64 - 65]. Согласно уставу общества, его основной целью провозглашалось «умножение и распространение знаний по отечественной истории в духе русских начал». Для ее достижения предполагалось собирать сведения не только о царствовании Александра III, но и о других периодах отечественной истории, издавать исторические сочинения, а также работы, касавшиеся «церковных, правовых и бытовых вопросов», учреждать книгохранилища и читальни [9, с. 3]. Отдельно указывалось на право общества открывать свои отделы в регионах, что должно было превратить его в общероссийский центр исторического просвещения, действующий в особо заданных идеологических рамках.

Виленское отделение «Общества ревнителей...» было открыто в 1899 году по инициативе генерал-губернатора В.Н. Троицкого, который и стал его первым председателем [10, л. 2]. Его учреждение во многом стимулировало изучение истории, этнографии, хозяйства и быта всего северо-западного региона империи, что имело не только научное, но и практическое значение для повышения эффективности управления им. Наиболее деятельным и заметным членом общества был видный местный интеллигент, писатель, археолог-любитель и коллекционер А.В. Жиркевич, являвшийся главным инициатором создания в Вильно музея графа М.Н. Муравьева. Будучи знакомым как с местными представителями интеллектуально-творческой элиты, такими как поэт и драматург А.А. Навроцкий, композитор и музыкант К.М. Галковский (Галкаускас), так и с крупнейшими деятелями русской культуры – Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, И.Е. Репиным и другими [11, с. 77 – 85], он сумел придать

¹ В статье Большой Российской Энциклопедии (БРЭ), посвященной Обществу ревнителей русского исторического просвещения (ОРРИП) в память императора Александра III, ошибочно указано, что отдел общества в Вильне был открыт только в 1904 г.

деятельности официально созданного общества действительно творческий и научный характер.

Однако после смерти генерал-губернатора Троцкого в 1901 г. общество, лишившись поддержки властей, стало постепенно приходить в упадок. Новый глава края, князь Святополк-Мирский стремился к всестороннему изучению региона, которым ему предстояло управлять, находя, что «хотя на этом поприще сделано в предшествующие годы немало, тем не менее, Северо-Западный край не может считаться обследованным, так как многое и в отношении его истории, и в отношении быта его населения, и в отношении его природных богатств остается по настоящее время невыясненным» [7, л. 35]. Лучшим подспорьем для достижения этих целей являлось «Общество ревнителей русского исторического просвещения...», в силу своего характера и идеологической направленности в наибольшей степени соответствовавшее «делу русского культурного труда», реализацию которого генерал-губернатор считал своим долгом.

По его инициативе и при непосредственном участии активная деятельность Виленского отдела общества была возобновлена с начала 1903 г. О его заседаниях регулярно сообщала местная печать [12, с. 3]. Помимо официально декларируемой цели «популяризации памяти императора Александра III» и сугубо научно-исследовательской деятельности, общество начинает проводить активную работу с населением, организовывая народные чтения, публичные лекции и прочие просветительские мероприятия [10, л. 2]. «Реанимировав» общество, Святополк-Мирский придавал его деятельности новую направленность, указав на актуальность и политическую значимость изучения истории польского восстания 1863 – 1864 гг. и деятельности российских властей в этот период. По инициативе генерал-губернатора общество не только приступило к поиску, обработке и систематизации документальных материалов, связанных с восстанием, но и обязалось выделять необходимые средства на их публикацию [7, л. 35]. Собранные материалы должны были стать составной частью фондов музея графа М.Н. Муравьева, которому Святополк-Мирский придавал огромное просветительское и политическое значение в деле распространения «русской идеи» в Северо-Западном крае. Результатом данного направления деятельности общества стало издание не утратившего своего научного значения до настоящего времени обширного сборника документов, не только освещавших разностороннюю деятельность М.Н. Муравьева в крае, но и содержащих важную информацию о регионе в эпоху восстания 1863 – 1864 гг. [13].

Большое значение Святополк-Мирский придавал научному изучению вверенного ему края, что соответствовало общей стратегии культурно-просветительской деятельности империи на окраинах во второй половине XIX – начале XX вв. В данный период имперские власти приходят к осознанию того, что для эффективного управления окраинами необходимо, в первую очередь, всесторонне их изучить, на что и были направлены, хотя и с некоторым запозданием, значительные усилия. Данная деятельность велась как в форме единичных акций – географических, этнографических и прочих экспедиций, так и в форме организации постоянно действующих научных центров, важнейшим из которых являлось Русское географическое общество, открывавшее на окраинах империи свои отделы, занимавшиеся региональными исследованиями.

Именно по этим двум направлениям и выстраивалась траектория исследовательского аспекта деятельности Виленского генерал-губернатора.

По его инициативе и на имевшиеся в его распоряжении средства было организовано проведение двух крупных научно-исследовательских экспедиций. Первая из них, направленная на изучение языка, культуры, быта и традиций белорусского народа, была возглавлена специально приглашенными видными учеными-славистами, филологами и этнографами, членом-корреспондентом Российской академии наук Е.Ф. Карским и профессором Казанского университета А.И. Александровым [7, л. 35 об.]. Экспедиция стала крупнейшим для своего времени научным мероприятием в сфере изучения белорусского народа, в ходе которого, по сути, впервые были определены границы распространения белорусского

языка, проведен его сравнительный анализ с великорусским и литовским языками. На основе собранных учеными материалов профессором Карским был подготовлен первый том его фундаментального научного труда «Белорусы», который в 1904 г. переиздан журналом «Виленский временник» при непосредственном содействии Святополк-Мирского [14, с. 20-26; 7, л. 35 об.].

Вторая экспедиция, имевшая целью «исследование рыбных богатств Северо-Западного края, в видах поднятия упавшего рыбоводства» была проведена под руководством известного русского ученого-зоолога и ихтиолога, профессора Московского университета Н.Ю. Зograфа [7, л. 35 об.].

Настойчивые усилия Виленский генерал-губернатор предпринимал в вопросе о создании в регионе постоянно действующего научного центра. Для систематического и всестороннего изучения края, по его мнению, было необходимо возобновить деятельность открытого еще в 1867 г., Северо-западного отдела Русского географического общества, к 1876 году прекратившего свою работу в силу отсутствия материальных средств [7, л. 35 об.]. Генерал-губернатор неоднократно обращался к вышестоящим властям с ходатайствами о предоставлении средств, необходимых для возобновления его работы. Так, в письме к министру финансов С.Ю. Витте в июне 1903 г. Святополк-Мирский просил о выделении из казны местному отделу общества ежегодного пособия в пять тысяч рублей, на что министр ответил отказом, сославшись на то, что Географическому обществу ежегодно ассигнуется тридцать тысяч рублей и все дополнительные средства должны изыскиваться из негосударственных источников [7, л.64]. Аналогичное ходатайство было направлено и в Министерство внутренних дел, правда, размер испрашиваемой суммы был снижен до двух тысяч рублей, что соответствовало аналогичным пособиям, отпускаемым другим отделам общества [15, с. 403]. Эту же просьбу генерал-губернатор повторял и в своем Всеподданнейшем отчете императору Николаю II, мотивируя ее необходимостью организации местных научных сил для «постоянного деятельного труда» по всестороннему изучению Северо-Западного края [7, л. 35 об.]. Однако начавшаяся русско-японская война и последующие революционные потрясения и связанные с ними финансовые трудности помешали реализации этой идеи. Тем не менее, усилия Святополк-Мирского оказались не бесплодными. Деятельность Северо-Западного отдела Русского географического общества все же была возобновлена позднее, в 1910 г. под руководством попечителя Виленского учебного округа, известного русского ученого-астронома Г.В. Левицкого [16].

Одной из острых и широко обсуждаемых во всем Северо-западном крае тем был вопрос о воссоздании здесь высшего учебного заведения. После подавления польского восстания 1830 – 1831 гг., когда Виленский университет был закрыт, в регионе не было ни одного не только классического, но и специально-технического высшего учебного заведения.

С вступлением в должность генерал-губернатора Святополк-Мирского, сразу зарекомендовавшего себя сторонником просвещения, проблема открытия в регионе высшего учебного заведения начинает обсуждаться с новой силой. Представители местной элиты неоднократно обращались с соответствующими ходатайствами к Святополк-Мирскому, который не имел полномочий для решения такого вопроса.

Сам глава края считал, что регион, безусловно, нуждается в высшем учебном заведении, которое может быть открыто при соблюдении двух важнейших условий. Во-первых, это учреждение должно быть «русским, а никоим образом не польским», что могло быть достигнуто путем преподавания исключительно на русском языке, а также формированием профессорско-преподавательского состава сугубо из числа русских кадров. Во-вторых, гораздо более целесообразным, нежели открытие университета, по его мнению, было бы учреждение высшего сельскохозяйственного технического учебного заведения, необходимость которого была обусловлена насущными потребностями местного сельского хозяйства.

Эти соображения Святополк-Мирский изложил в своем Всеподданнейшем отчете императору Николаю II, однако, как известно, вопрос о создании высшего учебного

заведения в Северо-западном крае оставался открытым и так и не был разрешен в бытность региона в составе Российской империи.

Инициатива открытия такого специализированного учебного заведения, ставшего бы «рассадником прикладных знаний», недостаток которых наблюдался в крае, принадлежала членам Виленского сельскохозяйственного общества [17, л.1]. По их мнению, вновь созданный институт должен был включать в себя пять отделов - земледельческий, агрономический, химический, механический и строительный, и стать впоследствии ядром для будущего политехнического института, открытие которого было «одной из самых насущных потребностей всего населения» [17, л.1об. – 2]. Поскольку учебное заведение должно было служить местным интересам, то предполагалось, что и учреждаться оно должно на местные средства. Был предложен механизм финансирования, заключавшийся в организации обложения частновладельческих земель шести северо-западных губерний особым подесятинным сбором, средства от которого в размере тринадцати с половиной миллионов рублей составили бы сумму, достаточную для учреждения института [7, л. 28].

Следует отметить, что значительная часть сторонников открытия высшего учебного заведения в крае выступала за его размещение не в Вильно, а в Минске, как в городе, менее полонизированном и имевшем большее тяготение к России [18, с. 3].

В вопросе о создании высшего учебного заведения в крае Святополк-Мирский не проявлял свойственной ему настойчивости, видимо, имея внутренние сомнения в своевременности и необходимости данной инициативы. С одной стороны, он подчеркивал, что «указанное учебное заведение, отвлекая часть польского элемента от высших учебных заведений Привислинья, ввело бы ее более в круг русского влияния». С другой же, генерал-губернатор соглашался с мнением противников рассматриваемой инициативы в том, что первостепенной заботой правительства должно являться развитие учебного дела в коренной России, где в отличие от западных регионов, существует крайне мало специальных учебных заведений, что создает угрозу культурного порабощения инородцами русского народа, отстававшего от них в образовании и культурном отношении [7, л. 27 об].

Безусловно, наиболее значимым изменением в жизни Северо-западного края, связанным с деятельностью Святополк-Мирского в культурно-просветительской сфере, стало снятие запретов на использование латино-литовского шрифта при издании книг на литовском языке, что вызвало значительный культурный подъем в регионе и способствовало развитию литовской печати и книгоиздательства.

Необходимость введения кириллической азбуки в литовскую печать применительно к отдельным категориям изданий впервые была озвучена генерал-губернатором М.Н. Муравьевым в 1864 г. Официальное утверждение этого было предпринято в циркуляре, подписанном 6 сентября 1865 г. новым главой края К.П. фон Кауфманом. Огромную роль в принятии данных постановлений сыграли представители националистически настроенных кругов русской бюрократии Северо-западного края, среди которых особенно выделялись попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов и его сотрудник Н.Н. Новиков [19, с. 264 - 266]. Сам Корнилов объяснял постановку вопроса о введении русского алфавита в литовский язык во многом утилитарно-техническими соображениями, указывая на то, что, поскольку большинство русских учителей народных школ Северо-западного края были не знакомы с латино-литовской азбукой, он предложил «применить к жмудскому языку русский гражданский алфавит» [20, с. 253]. Опираясь на научные исследования в этой области российских ученых-филологов С.П. Микуцкого и А.Ф. Гильфердинга, разработавших вариант кириллической азбуки для литовского языка, сторонники данной меры рьяно приступили к ее реализации.

В широких массах литовского населения кириллица воспринималась как однозначно чуждое явление. Литовцы фактически бойкотировали навязываемую властью кириллическую азбуку, которую пренебрежительно называли «гражданкой». Официально распространяемые кириллические книги на литовском языке, несмотря на их дешевизну (а порой они раздавались и бесплатно), игнорировались, в силу чего их издание во второй половине 1880-х годов окончательно прекратилось. По

инициативе главного противника русификаторской политике в Литве Тельшевского епископа М. Валанчуса в Восточной Пруссии был налажен выпуск литовских книг на традиционной латинице, которые затем нелегально доставлялись через границу контрабандистами - «книгоношами». Несмотря на усилия пограничных и полицейских властей, изымавших десятки тысяч нелегальных литовских книг, их поток постоянно увеличивался. Всего в период запрета на литовскую печать в Восточной Пруссии было издано для распространения в Литве более 1 800 наименований литовских книг общим тиражом в 6 миллионов экземпляров [21, с. 132].

Начиная с 1890-х гг. раздавались все более настойчивые призывы к отмене данной запретительной меры, мотивы которой, небесспорные изначально, к концу века стали совершенным анахронизмом. Эти призывы исходили как от анонимных лиц [22, л. 6], так и от отдельных губернаторов Северо-западного края, наталкиваясь, однако, на устойчивое нежелание признавать ошибочность данной меры чиновников Министерства народного просвещения и виленских генерал-губернаторов П.В. Оржевского и В.Н. Троцкого [1, с. 386-387].

Святополк-Мирский осознавал, что проблема литовского шрифта имеет «государственное значение», являясь вопросом «первостепенной важности» для всего Северо-западного края. Новый генерал-губернатор являлся сторонником поощрения литовского национального движения, проходившего под контролем российской администрации, что впоследствии должно было привести к русификации литовцев в политическом и гражданском смысле при сохранении культурно-языковой национальной идентичности. В 1903 г. им была составлена обстоятельная «Записка по вопросу о латинско-литовском шрифте», в которой он настойчиво доказывал необходимость немедленного снятия запрета на его официальное использование.

В качестве аргументов в пользу своей точки зрения Святополк-Мирский указывал на то, что латинско-литовский алфавит, развивавшийся в ходе нескольких веков, существенно отличался от латинско-польского, неспособного передать характерные для литовского языка звуки. Замена литовского шрифта кириллицей, воспринимаемая многими русификаторами как «способ достигнуть блестящих, в смысле русского влияния, результатов», никоим образом не сближала литовский язык с русским. Для автора записки представлялось очевидным, что шрифт, без изменения языка, «не в состоянии: при латинском способе писании – ополячить литовцев, а при русском – обрусить народ», поскольку «национальное свойство последнего определяется языком, а не шрифтом» [23, л. 2 об.]. В силу этого, внедрение кириллицы в литовскую письменность не имело никакого положительного практического смысла. Напротив, данная мера имела множество отрицательных последствий. В первую очередь, она вызвала всплеск антирусских настроений среди литовцев, что не только препятствовало делу их «располячивания», но, напротив, сближало с мятежными польскими элементами. Помимо этого, подчеркивалось, что запретительные меры не остановили развития латинско-литовской литературы, продолжавшееся за рубежами империи и поэтому совершенно неподконтрольное правительству. Нелегально распространявшиеся литовские издания внедряли в сознание населения антиправительственные и антирусские настроения [23, л. 4 об.-5].

Святополк-Мирский указывал на то, что важнейшей целью правительственной политики в Северо-западном крае является введение местного населения «в круг общих интересов Русского государства», для чего необходимо «правильное руководство» «культурно подрастающим» литовским народом. В силу этого, разрешение латинско-литовского шрифта приведет к возникновению местной литовской литературы, которой можно будет «руководить, развивая ее в соответствии с целями и видами правительства», что «не сможет не повернуть взглядов литовского народа с Запада на Восток» [23, л. 5].

Несмотря на то, что усилия Святополк-Мирского по снятию запретов с латинско-литовского шрифта продолжали оставаться в рамках стратегии «деполонизации» литовского народа, в его программе прослеживаются и новые тенденции. Российское правительство должно было взять на себя роль архитектора новых культурных

идентичностей – литовской и белорусской, потенциально лояльных имперскому центру. Успешное достижение данной цели представлялось возможным посредством внедрения современных управленческих траекторий, состоявших в постепенном отказе от доминанты ограничительно-репрессивных практик в пользу поощрительно-регулятивных, «сотруднических» форм воздействия имперских властей на окраинное сообщество.

Благодаря настойчивым и неоднократным ходатайствам генерал-губернатора, 13 апреля 1904 г. на заседании Комитета министров, где присутствовал и Святополк-Мирский, было принято положительное решение об отмене всех запретов на использование латиницы для литовской печати, а 24 апреля данное решение было утверждено Николаем II [24, л. 356-360, л. 338].

Это решение вызвало бурную радость у местного населения и благодарность по отношению к генерал-губернатору, который сумел «продать» его в верхах. Минская газета «Северо-Западный край» с удовлетворением констатировала: «Основной вопрос о литовско-жмудском шрифте решен вполне определенно к полному удовольствию и удовлетворению одной из народностей нашей Руси.... Не нужно больше контрабанды книги. Народу уже возвращен такой молитвенник, к которому привыкли его деды и отцы... Народу возвращена его книга; будем надеяться, что не заставит себя долго ждать и литовская газета...» [25, с. 3].

Пребывание Святополк-Мирского на посту Виленского генерал-губернатора оказалось довольно краткосрочным. В августе 1904 г. он был назначен министром внутренних дел, положив начало «правительственной весне», ставшей прологом радикальных политических преобразований в России. И, тем не менее, за неполных два года глава региона сумел выстроить и приступить к реализации новой модели управления, в которой ставшая уже традиционной политика деполонизации сочеталась с усилиями, направленными на аккультурацию местного населения посредством культурно-просветительской деятельности, инициируемой и контролируемой имперскими властями.

Для деятельности Святополк-Мирского на посту Виленского генерал-губернатора характерен поиск новых моделей регулирования межэтнических отношений и управленческих практик, альтернативных сложившейся концепции бюрократического национализма, реализовывавшейся в начале XX века преимущественно инерционно без учета существенно трансформировавшейся реальности. Главной особенностью, выгодно отличавшей Святополк-Мирского от многих других представителей имперской администрации, являлась готовность прислушиваться к настроениям и насущным потребностям местной общественности, тщательно изучать и учитывать региональную специфику при определении основных направлений своей деятельности. Именно в этом состояла сущность современной практики управления Святополк-Мирского, которую он реализовывал в Северо-западном крае и, впоследствии, заняв пост министра внутренних дел, стремился перенести на общероссийский уровень. Одним из важнейших направлений данной управленческой модели было поощрение развития национального самосознания белорусского и литовского народов [26, с. 41], что позволило бы не только дистанцировать их от польского влияния, но и посредством планомерной просветительской деятельности постепенно и естественно приобщить к имперскому цивилизационному сообществу.

Деятельность Святополк-Мирского способствовала становлению не только литовской, но и белорусской культурной идентичности, происходившей в форме развития белорусского народного и литературного языка, повышенного внимания к своему историческому прошлому, формированию белорусской интеллигенции. Постепенное освобождение от польского влияния, отказ от насильственной русификации и взаимодействие с новыми региональными элитами – принципы, лежавшие в основе современной управленческой практики, отстаиваемой бюрократом нового типа, коим являлся князь Святополк-Мирский, в наибольшей степени отвечали тем вызовам времени, с которыми столкнулась Российская империя в начале XX столетия.

Библиографические ссылки:

1. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин: Слово, 1922. Т. 1. 571 с.
3. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.
4. Осоргин М.Н. Воспоминания. М.: Российский Архив, 2009. 850 с.
5. Князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор. // Виленский календарь. Вильна. Б.и., 1903. С. 167 – 176.
6. Думин С. В., Гребельский П. Х. Князя Святополк-Мирские и дворяне Мирские // Дворянские роды Российской империи. М.: Ликоминвест, 1995. Т. 2. 264 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 560. Оп. 26. Д. 352.
8. Андреев Д.А. Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царствования Николая II. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1 (44). С. 58–74.
9. Устав Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895. 18 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1729. Оп. 1. Д. 223.
11. Лавриненц П.М. Русская литература Литвы (XIX – первая половина XX века). Вильнюс: Вильнюсский университет, 1999. 192 с.
12. Северо-западный край. 1903. 12 марта. № 109.
13. Сборник документов Музея графа М. Н. Муравьева. Т. 1 / Сост. А. Белецкий. Вильна: О-во ревнителей рус. ист. просвещения в память имп. Александра III, 1906. 233 с.
14. Булахов М. Г. Евфимий Федорович Карский: Жизнь, научная и общественная деятельность. Минск: Издательство БГУ, 1981. 272 с.
15. Отделы Императорского Русского географического общества. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. Т. XXII. 480 с.
16. Лиходедов В., Улитенок Г. В поисках утраченного: из истории Северо-Западного отдела Русского географического общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://sb.by/articles/svet-istiny-i-znaniy.html> (дата обращения: 20.10.2019)
17. ГАРФ. Ф.1729. Оп. 1. Д. 982.
18. Северо-западный край. 1903. 31 января. № 76.
19. Долбилов М.Д. Превратности кириллизации: запрет латиницы и бюрократическая русификация литовцев в Виленском генерал-губернаторстве 1864 – 1882 гг. // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 255 – 296.
20. Корнилов И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. 420 с.
21. Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. Вильнюс: Eugrimas, 2013. 318 с.
22. ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 241.
23. ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 238.
24. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 83 г.
25. Северо-западный край. 1904. 14 мая. № 455.
26. Корнилович Э.А. Святополк-Мирские. Хранители чести. Минск: ФУАинформ, 2012. 104 с.

УДК 373.5-055.1(476-25)(091),18“(093.3)

МІНСКАЯ МУЖЧЫНСКАЯ ГІМНАЗІЯ СЯРЭДЗІНЫ ХІХ СТ. ВА ЎСПАМІНАХ ТАДЭВУША КОРЗАНА

В.С. Макарэвіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр.Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь; makarevich.bsu.79@gmail.com*